

Р. Грачев

А Д А М Ч И К

Единственная книга Р. Грачёва " Где твой дом?" увидела свет в 1967 г. уже после начала его тяжёлой болезни и стараниями тех, кто не оставил молодого писателя без поддержки. Не все прозаические произведения вошли в сборник, — среди них " Адамчик", повесть предлагаемая читателю в этом номере. По мнению многих, "Адамчик" — наиболее яркое проявление таланта Р.Грачёва.

Повесть написана в 1961 г.

Б.И.

Адамчика подхватило с боков, мягко поддало сзади, и он очутился на асфальте. Он отпрыгнул. Мимо пронеслись люди, замахивая пальто, исчезли в тумане. Адамчик проводил их взглядом, покачал головой и сказал: "Ничего не понимаю!"

Автобус напустил на него душное облако, Адамчик чихнул и пошёл, подпрыгивая, варахаясь от края тротуара к домам, легко и бесшумно, как летучая мышь. Он шёл и думал, пытался понять, отчего так уютно было в автобусе, и что происходит с людьми, когда они выпрыгивают на тротуар. Люди меняются, но как, где они лучше — в автобусе или на улице, — этого Адамчик не может понять.

Голова его ясна, он уже давно проснулся. Сонные лица в автобусе казались ему смешными. Он протискивался к двери, с удовольствием расталкивал податливые бока, потом пригрелся, прижатый к ватной спинке, упругой, похожей на матрас. И вдруг — толчок, скрип двери, холодная сырость...

Однажды он ехал на работу вместе с тётей Верой, браковщицей. Она не заметила Адамчика, дремала, клевала носом воротник, а он стоял рядом и созорничал: ткнул тётю Веру в бок кулаком. Тётя Вера подняла голову, открыла глаза и так ласково улыбнулась, что Адамчику захотелось толкнуть её ещё раз, когда она закроет глаза.

Но та же самая тётя Вера, только включили конвейер, стала кричать: "Эй, там, осадка, давай ровнее!".

Адамчик знает, что брак на осадке непоправимый — осадил неровно пружины — придётся переделывать весь матрас. Но зачем кричать? — И он продолжал лихо накладывать шпатель на пружины, забавляясь тем, что одни

получаются коротышками, другие — долговязными кривулями. Он видит сверху горловины пружин, похожие на кричащие рты, перекошенные, захлёбывающиеся в крике, и сам вдруг закричал: "А-а-а-а!".

На него зашикали женщины: "Ишь, глотку дерёт с утра!". А с дальнего конца конвейера кричала, надрывалась тётя Вера: "Осадка, ровнее! Ромка, смотри, буду рамки снимать!".

— А-а-а! Ух! — отвечал Адамчик, прыгая от одного конца рамки к другому, где надо пробивать гвозди. Тогда прибежала тётя Вера, оттолкнула его от конвейера, быстро, ловко стала осаживать пружины сама. Адамчик постоял, тронул её за плечо: "Тетя Верка, пусти!".

Она подняла лицо от конвейера и посмотрела на Адамчика такими злыми глазами, что он вспомнил мать: она так же кричит на него, когда он поздно приходит ~~домой~~ домой. И у неё такое же красное и злое лицо.

Адамчик сказал: "Пусти, ну!" и стал сжимать пружины так сильно, что витки прикоснулись один к другому и сделали пружины жёсткими, как гвозди. Тетя Вера посмотрела немного, как он работает, тихонько отошла. Адамчик глянул искоса ей вслед и пробормотал: "Ничего не понимаю". Непонятно было то, как может лицо тётки Веры так хорошо улыбаться в автобусе и быть таким злым на работе. Будто две разные тётки Веры. А ругалась она за дело, потому что пружины надо осаживать ровно.

А тётя Вера кричала на кого-то в дальнем конце конвейера, очень далеко, и Адамчик перестал думать о ней, довольный тем, что она далеко и напуганный расстоянием между двумя её лицами — улыбающимся и злым. В этом

расстоянии уместилось тридцать матрасных рамок и много женщин вдоль конвейера, сигнальный щит с белой стрелкой и тревожные вспыхивающие сигнальные лампы. Адамчик знает, как трудно сделать одну рамку, как долго обрастает она шпагатной перевязью, холстом, взлохмаченной рогожей, ватой, прежде чем стать гладким полосатым матрасом.

Ему кажется, что думать так же долго и так же трудно.

2

Адамчик шёл домой. Скользил по накатанным ледяным дорожкам, нарахался к витринам, пугая прохожих. В стекле отражался симпатичный молодой человек в серо-зелёном немецком пальто, в красном кашне и серой вязаной шапочке с козырьком. Адамчик поджимая губы, змурился, казался себе серьёзным. Он нес получку и думал о том, что мать потребует деньги за комнату. Потлаживая его по голове и щекоча рёбра, она будет просить денег, а он, конечно, не даст, и тогда она устроит скандал на всю квартиру и будет кричать о том, что выгонит из дому.

Смотреть на своё отражение и одновременно думать о важных вещах неудобно, поэтому Адамчик шёл боком, прыгал, забыв о том, что хотел быть серьёзным, и очень скоро налетел на женщину, которая несла яблоки. Яблоки покатались о скользкому асфальту, как будто удирая одно от другого. Адамчик посмотрел и засмеялся.

Женщина крикнула:

— Хулиган!

Из школы выбегали третьеклассники. Они закричали хором: "Хулиган, хулиган!" и стали помогать женщине собирать яблоки. Адамчик обиделся. Под рукой у него появилась собитая на затылок шапка с торчащим ухом, и он осадил шапку вниз и немного

от себя, как пружину. Мальчик упал, лежал немного на тротуаре и горько заплакал. Его розовый носик жалобно хлопал. Адамчик нагнулся и поднял мальчика, потом шапку. Отряхнул её с колена, надвинул на затылок. После этого мальчик изловчился и стукнул Адамчика в нос. Кругом закричали: "Хулиган, хулиган!".

И Адамчику ничего не оставалось делать, как уйти — чем быстрее, тем лучше.

Других происшествий по дороге не было, и Адамчик обстоятельно подумал о том, что раньше, года два назад, было всё — таки лучше, можно было отдавать получку матери, иногда она даже готовила обед. Он хотел вспомнить, когда стал платить матери за ночлег, но не мог — казалось, что очень давно, когда он был ещё маленький. Время, которое он помнил, делилось по крупным событиям. Начиналось оно с портрета Адамова, висящего в комнате на стене. Когда-то Адамов был отец, папа, но Адамчик помнил его как Адамова в солдатской гимнастерке на портрете. Потом шло время школы. Было где-то время матери и сестры Тани, оно тоже было давно и напоминало о себе снимком на стене. Потом началось время фабрики, и с тех пор всё пошло колесом. Адамчик перестал понимать время.

Адамчик звонил у двери. Ему долго не открывали и тогда, когда он стал стучать. Он стучал ногами и руками, сидел на окне и снова стучал. Пришла соседка, удивилась: "Вы же переехали!".

— Куда? — спросил Адамчик.

Соседка посоветовала: "Сходи в жакт!".

В жакте паспортистка грозно улыбалась: "Пришел, шалопаи! Мать не жалеешь, замучал совсем! " Куда выехала? Так она же с тобой разъехалась. Ты же в общежитии живешь!".

— Ничего не понимаю! — сказал Адамчик и выбежал на улицу.

Он хотел есть и зашёл в гастроном. Ленивой походкой прошёл он вдоль прилавков, подмигивая полоденьем продавцам. Продавцы презрительно фыркали. В кондитерском отделе над горкой конфет в блестящей разноцветной фольге стояла крупная цифра. Адамчик выбил чек и сказал продавщице: "Самых дорогих!".

Девушка, сыпая конфеты в кулёк, поджимала губы.

В конце вечерней смены Адамчик пробрался в цех, выждал, пока все уйдут и развалился на куче лыка. По радио передавали джаз, Адамчик покачивал ногой, глядел в потолок, давил между пальцами тёплые конфеты, набивал полный рот и медленно глотал пахучий шоколад. Потом он подмигнул неподвижной стрелке на сигнальном щите, повернулся на бок и уснул.

Утром уборщица долго удивлялась, глядя на Адамчика, спящего на жёлтом лыке среди разноцветных бумажек, сияющих драгоценными камнями.

3.

В конце месяца был аврал. На конвейере работали по восемь часов. Начальник цеха ежедневно отчитывался о выработке. Белая стрелка на щите двигалась чуточку быстрее и чуть чаще вспыхивали сигнальные лампы. Это давало десять лишних матрасов в день.

Адамчик прыгал между краями рамки не быстрее, чем обычно. Он даже успевал присаживаться на ящик из под гвоздей. Тетя Вера сама встала к конвейеру и не ругалась, если насадка была неровная.

После работы Адамчик болтался по цеху, катался смека ради на конвейере, дразнил старушек. Начальник цеха поймал его за руку, остановил, снисходительно посмотрел

сверху вниз: "Баклуши б'єшь? А двадцять рамок связать можешь?".

— Могу, — сказал Адамчик и встал к прессу.

Он стремительно богател. После шести часов работы ему платили вдвое — сверхурочные и за несовершеннолетие. "За молодость!" — говорил, подмигивая, начальник цеха и дружелюбно притрагивался к плечу. Скоро он стал самым богатым человеком в цехе.

По ночам, лёжа на куче лыка, Адамчик пересчитывал деньги и мечтал купить мотоцикл.

На переплёте получился прорыв, заболела бригадир Клава. Рядом с Адамчиком мастер поставил большую девушку в платье с открытой спиной. Раньше она была ученицей, копошилась на верстаке. Адамчик смотрел на неё издали, замечал неловкие движения, мокрые, сплошь голубые глаза, придавленный носик. Адамчик фыркая: "Плакса!".

Девушка очень старалась, но у неё не получалось, не успевала. Прибегал мастер, сердито сопел, на ходу конвейера прибивал гвозди. Адамчик поглядывал искоса, болтал ногами, сидя на ящике.

Во время первого перерыва девушка села на ящик и стала разглядывать свои пальцы. Адамчик подошёл сзади, увидел свежие кровяные мозоли. Он посмотрел на свои руки. На ладонях была гладкая блестящая кожа — профессиональная кожа матрасников. Руки девушки отказывались грубеть.

— А ты перевяжи лентой, — неожиданно посоветовал Адамчик, вместо того, чтобы столкнуть девушку и забрать ящик.

— Да от этого только хуже, — вздохнула девушка.

— Не успеваешь? — спросил Адамчик.

— Нет, — сказала девушка, — почти успеваю. Только гвозди пока не успеваю. А ты почему две смены работаешь?

— А что делать? — похоже вздохнул Адамчик. — Мать из дому выгнала.

— Где же ты ночуешь? — спросила девушка.

— А здесь, в цехе. — Адамчик небрежно почесал в затылке.

— Нестриженный! — сказала девушка. — Хоть бы постригся! А почему она тебя выгнала?

— Да, говорит, хулиганю...

— А что она делает? — спросила девушка громко, чтобы слышали другие женщины.

— Не знаю, — тихо ответил Адамчик, — пенсию получает...

Вспыхнула красная лампа. Сквозь перестук молотков Адамчик с налейной слушал, как перекачивается по конвейеру новость: "Адамчик в цехе ночует". "Громку мать из дому выгнала...", "Что это за материя теперь...", "Начальнику нужно сказать...".

Девушка не отставала больше до конца смены. Рамки подъезжали к ней с аккуратно вбитыми в борт гвоздями. Адамчик не успевал присаживаться на ящик.

Новость докатилась до конца конвейера, перескочила в конторку, и начальник цеха в пересменку сказал Адамчику: "Что же ты молчал? Это же просто делается: вызовем, и прописать заставим".

Мать пришла во время работы, долго кричала в конторке, начальник вызвал Адамчика, объяснил ему, что надо перестать хулиганить и начать уважать мать. Мать оставила новый адрес.

В комнате она сказала: "Десятка в сутки, а то в цех ночевать пойдёшь".

Адамчик сощурился: "Трёшка, а то снова начальник вы-

зовет".

Соплишь на пяти рублях.

На следующий день девушка по-прежнему отставала. Напрасно она вздыхала и поднимала над конвейером красные опухшие руки, Адамчик не смотрел в её сторону. Он ждал, чтобы она заговорила, но девушке было не до него.

4

Адамчик бродил по галлерее Апраксина двора, держался руками за карманы. В карманах пиджака лежали деньги. Он с презрением отворачивался от глухих манекенов, довольных своими пальто и костюмами. Он давно уже мог войти в магазин, но не решался, стоял у входа. Люди выносили на улицу мотоциклы, оглядывались по сторонам, улыбались как манекены — счастливые, искали сочувствия. Подмигивали Адамчику, и он с готовностью улыбался. "Ну, — взбадривал он себя, — ну же!".

Он набрал полные лёгкие воздухом и нагнул голову, чтобы нырнуть под арку, но в тот же миг кто-то положил ему руку ему на плечо. Адамчик оскалился. Перед ним стоял человек, чем-то похожий на начальника пеха, немолодой, полный, серьёзный. Главное, в хорошем костюме — не выпивоха. Костюм успокоил Адамчика.

— По дешёвке, — с ходу сказал человек. — Ничего не поделаешь, уезжаю в Воркуту. Давно уже стою, жду покупателя поприличней. Смотри, совсем новый.

Человек взял Адамчика под руку и подвёл к мотоциклу, стоящему у края тротуара.

- Смотри, на ходу, с номером. Права у тебя есть?

У Адамчика заблестели глаза. "Нет..." - вздохнул он.

- Не, ничего, - успокоил человек. - Сдашь, получишь.

Смотри пробег - всего полторы тысячи, только-только мотор приработался.

Он перекинул ногу через седло, ноги оказались длинные, в лёгкие кожаных туфлях. Сидя, нажал несколько раз педаль стартера. Мотор мягко затарахтел на малых оборотах. Адамчик погладил тёплое крыло.

- Выкладывай четыре, - спокойно сказал человек, и слез с мотоцикла.

Пока Адамчик считал деньги, человек достал из кармана бумажник и протянул ему: "Держи документы. Вот квитанция. Куплен в этом магазине...".

Левой рукой он принял у Адамчика деньги и сам положил ему бумаги в карман пиджака.

Под ухом Адамчика взревел мотоцикл. Перед глазами качнулся светлый пиджак с голубым значком.

- Стой! - крикнул Адамчик и боднул человека в живот.

- Что - ты! - сказал человек, хватаясь за живот. - А!

Что?

- Вот... - сказал Адамчик, махая руками. - Вот...

Там, где только что стоял мотоцикл, расползались по асфальту маленькие масляные пятна.

- Не уйдёт! - уверенно сказал человек и стиснул Адамчику плечо. Смотри! Он куда?

- Не знаю... - ватным голосом проговорил Адамчик.

- А, понял: Туда! - радостно крикнул человек и пока-

зал рукой в сторону Дзержинского. — Бежим!

И кинулся вперёд, расталкивая прохожих. Адамчик бежал следом, перед глазами мелькали новые кожаные подошвы. Подошвы удалялись.

На перекрёстке человек легко развернулся, взметнулись голубые полы пиджака. Он промчался, выбрасывая далеко вперёд длинные ноги и махнул на бегу Адамчику рукой, подзывая к себе.

Когда Адамчик добежал до угла, человека уже не было видно.

— Эй, крикнул Адамчик. — Человек!

Мелькали чужие розовые лица.

— Челове-е-ек! — кричал Адамчик.

Его хватали за руки.

— Человек! А-а! Человек!!!

Нависал над плечом жаркий автобус.

— Челове-е-ек... — хрипел, замедляя шаги, Адамчик. По лицу текли, обжигая кожу, слёзы и пот.

— Да стой ты, чудак!

Прохладными руками его держала нарядная обойщица Валя. Из общежития рядом с фабрикой выходили нарядные девушки. Окружали Адамчика, засмеялись. Поправили ему воротник рубашки, вытирали платочком лицо.

Адамчик молча вырывался, кусал губу, чтобы остановить слёзы.

— Подрадся, Адамчик, ну скажи! — приставала Валя. — Ну, не плачь, пойдём с нами в Русский музей.

Его подхватили под руку и потащили, смеясь.

— Пустите, ну! — Адамчик осклалился и ругнулся матом.

— Что ты? — испуганно спросила Валя. — При девочках...

— Пустите... — бёготом сказал Адамчик и заплакал.

Он вернулся к магазину. Постоял, кусая губы, перед аркой. Люди выводили на асфальт мотоциклы. Отглядывались. Счастливые искали сочувствия. Блестел металл. Фары ловили солнечные зайчики.

На асфальте поцсхали расплывшиеся масляные пятнышки Адамчик кусал губы.

— Кореш, велосипед с моторчиком не надо?

Адамчик смерил подростка глазами. Мятые брюки, стоптанные сандалии. Подросток воровато отглядывался на прохожих, придерживал штык ладонью, будто держа велосипед за пазухой.

— По дешёвке? — спросил Адамчик.

— За шестьсот, — радостно подтвердил подросток.

Адамчик примерился и выбросил кулак. Удар пришелся точно в челюсть.

— Ой, — сказал подросток и закрыл лицо руками.

— По дешёвке, по дешёвке! — объяснил Адамчик, ствраясь понасть в нос, в розовый кончик ладонями.

— В ухо дай, в ухо!

Вокруг собралась толпа. Подросток отнял ладони от лица и заплакал. Дёргался кончик носа, подрагивали большие уши.

— Бежим! — сказал Адамчик, хватая его за руку.

— Ты думал — я жулик, — оправдывался на бегу подросток.

ток, а я не жулик, нет, вот увидишь. На мотоцикл копейку, немного осталось.

— Ты смотри, с рук не покупай, — мрачно посоветовал Адамчик.

Подросток, задыхаясь от волнения, вывел во двор велосипед. Крутанул педаль. Моторчик затрещал на весь двор, синий дым поплыл к солнцу.

— Керосинка, — фыркнул Адамчик.

— Ракета, — поправил подросток. — Сорок миль в час. Только газ сразу не включай, передачу сорвёшь.

Адамчик отсчитал деньги и вскочил в седло.

— Стой! — крикнул подросток.

Адамчик, не слезая с седла, осторожно оглянулся.

— Чего тебе?

— купи зажигалку ... Сорок.

— Давай, — сказал Адамчик.

— У подростка загорелись глаза.

Адамчик оттолкнулся.

— Стой, — крикнул подросток. — купи шарфик.

— Давай, — сказал Адамчик.

— Тридцать.

Адамчик закинул полосатый шарф в карман и сделал круг по двору.

— Стой, где ты работаешь? — кричал вслед подросток. Как зовут?

— На мебельной, — крикнул Адамчик. Роман.

— А я в Гостином, — кричал подросток. — Генкой зовут, Ге-е-енкой!

Отъехав немного, Адамчик остановился, слез с седла, потрогал обод, свечу, горячие рёбра цилиндра. Зажигалка зажигалась, фарфик был мягкий, полосатый и заграничный.

— Ничего не понимаю... — буркнул Адамчик и затарахтел к дому, с удовольствием нюхая синий дым.

5

Вечерами на маленькой асфальтовой площадке около Медного всадника кружились бесплотные тени. Сливались в дрожащие круги спины, тонко шуршали колёса. Тени сталкивались и разбегались, круто поворачивались и вились рядом, почти касаясь друг-друга, как вечерняя мошкара.

Адамчик всматривался. Зыбким движением колёс управляли смуглые литые ноги. Ноги сливались с педалями в стремительном коротком разбеге, легко взлетали вверх, на вилку руля, свешивались, безучастные, по одну сторону седла. Тени выпрямлялись, восклицали. Лёгкие машины становились на дыбы, прижимались к асфальту в опасных крутых разворотах. Это был пилотаж высшего класса.

Сырой ветерок от воды забирался под майку. Адамчик ёжился, закидывал.

Он снял моторчик и стал тренироваться во дворе. Тяжёлая дорожная машина падала, вырывалась из рук. Отказывалась сделать обыкновенную маленькую восьмёрку вокруг колёса. Адамчик научился падать через руль на руки, чтобы не разбивать лицо и колени, ходил, раскрашенный лазоревыми пятнами. К концу лета он научился делать маленький

круг, сидя спиной к рулю. Вечерами разглядывал ноги. Ровные, смуглые от природы и от солнца, без единой царапины ноги властно опускались во сне на педали. Вертелся прозрачный диск. Свистели шины. Наклонялось тело, — машина делала крутой разворот, как на трассе. Адамчик метался во сне и падал в темноту.

Он пристроился в хвосте колонны, лениво, уверенно выезжающей на площадку. По краям, у ограды сада, у набережной медленно плыли лица зрителей. Колебались светлые платья. Сердце Адамчика тревожно стучало. Восьмерки, повороты, крутые виражи. Делалось горячо внутри. Ноги плавно поднимались, перелетали на одну сторону, свешивались, сильные, безучастные.

Широкие круги спиной к рулю, резкие проходы пере чужим колесом. На площадке становилось свободнее, Адамчику хотелось лететь. Он проносился мимо светлых платьев, прямой, гордый, раскинув летящие руки. Прислушивался к восхищённому шёпоту.

Поворот почти по прямому углом. Впереди на сиреневой скамье, тяжёлый коричневый всадник взлетел на огромном коне, выкинул руки, останавливая Адамчика.

Адамчик вскрикнул, откинулся назад и взлетел на дыбы. Внутри горело, рвалось, кричало. Он выкинул руку, чтобы уравновесить движение и приближался к всаднику, приближался. Он смотрел на зрителей, победитель, герой. Внутри кричало так, как должны сейчас кричать светлые платья.

Всадник повелительно качнул рукой. Качнулся сенат, опрокинулось розовое небо и придавило Адамчика к асфальту крутящимся колесом. Обожгло руку. Над головой просвистела машина.

Адамчик приподнялся на локтях, обвёл взглядом светлые плиты. Никто не смеялся.

Он ушёл подальше к набережной. Злобно вдавил ногу в педаль. Пронёсся мимо всадника, не глядя. Горело лицо. Ветер сушил маленькие злые слезинки.

Легкие машины проехали гуськом. Бронзовые ноги лениво нажимали на педали. Адамчик согнулся над рулём. Равнодушно удалялись ноги, перетянутые ремешками. Адамчик осматривался.

Впереди, рассекая свет, возникли четыре фигуры. Адамчик откинулся. Поздно. Беззащитные руки взлетают косо. Нельзя. Адамчик резко бросил тело в сторону.

Тёплые ладони, тёмные руки, чёрные лица, белые воротнички. За спиной уже свистели. Чёрные безволосые лица. Белые улыбки.

Милиционер вежливо взялся за разбитый локоть Адамчика. Перед глазами бабочкой вспорхнула квитанционная книжка. Адамчик оскалился.

Чёрные люди засмеялись.

— Руски молодец. юхарашо! — сказал один. — Жантий гар!

— О, не, не — сказал второй, — нон, не нада, пожалуйста, и показал милиционеру, чтоб тот спрятал книжку.

Адамчик осторожно оглянулся.

Чёрные люди снова засмеялись.

— Вит, вит, вело! — чёрный человек помахал в воздухе руками, показывая, как нажимают на педали. — Работа, работчи?

— Да, да, — Адамчик улыбнулся и закивал головой. — А вы кто? кто? — он ткун пальцем в чёрный пиджак человека.

— О, мы — Сит, Африк, Африка! — ответил чёрный человек. — До свидания.

Все чёрные люди пожали по очереди руки Адамчика.

Адамчик медленно пошёл сзади. У клумбы стоял милиционер.

— Кто они? — спросил Адамчик тихо.

— Чего тебе? — сказал милиционер.

— Ну, кто эти ребята, негры?

— Ребята... — милиционер засмеялся. — Это министры, а не ребята...

— Министры... — пробормотал Адамчик. — Они же молодые...

— Вот и молодые, — обидно сказал милиционер. — Не то, что шалопаи. Жмут на педали, и по сторонам не смотрят.

Министры входили в вестибюль "Астории".

— Ничего не понимаю, — прошептал Адамчик, глядя им вслед.

6

— Кореш, стой.

Адамчик оглянулся. У ворот фабрики стоял Генка, пряча в воротник вздрагивающие уши.

— Привет!

— Привет.

— Пошли?

— Пошли.

— Хана, — сказал Генка, — Всё.

— Купил мотоцикл? спросил Адамчик.

— Хана, — вздохнул Генка. — Обчистили. Позарился на дешёвку.

— С рук покупал?

— С рук... — вздохнул Генка. — Всё замётано. — Люди-гады.

— Гады, — согласился Адамчик.

— Слушай, продай зажигалку...

— Какую? — спросил Адамчик.

— Ту самую.

— Бери, — согласился Адамчик.

Генка отсчитал деньгами.

— Слушай, — сказал он, — купи кеши.

Адамчик потрогал заграничную подкладку.

— Восемьдесят.

— Давай...

Свидание назначили в день получки, в садике при Адмиралтействе, у фонтана.

— Купи ремень! — говорил Генка. — Купи непочку. Продай кеши. Купи пистолет.

Пистолет оказался воздушный. Стрелял пульками, как ружья в тире.

Адамчик с первого выстрела разбил фонарь. Стекло приятно звенело на асфальте.

— Продай пистолет! — попросил Генка.

— Не продам! — ответил Адамчик и нацелился Генке в глаз.

По дворам ходили вместе. Стреляли по очереди. Стёкла разлетались по-разному. Лучше всего оказалось стрелять в сбоку, вскользь. Стекло вылетало начисто. Но это было трудно, пули часто попадали в переплёт.

Распахивались окна. Стучали двери. Сверху неопасно кричали.

— У-у-у! Эх! — отвечал Адамчик.

Генка вторил: "Гады-ы-ы! Эх!".

Приятнее всего было убегать.

Жизнь была весёлая.

— У-у-у! Эх! — кричал на конвейере Адамчик.

С другого края надрывалась тётя Вера: "Осадка, ровнее. Буду ремни снимать!".

— Тётка Верка, купи зажигалку! — кричал Адамчик.

— Продай зуб!

Свиданья по-прежнему назначались у фонтана. Адамчик приходил раньше от нечего делать. Бегал вокруг фонтана,

чтобы согреться. У скамеек ползали разноцветные дети. Адамчик останавливался, смеялся.

— Не трогай, пожалуйста, моих чертежей, — попросил его тихий голос. Адамчик посмотрел вниз. Он стоял на круге, похожем на велосипедное колесо.

— Это не я первый сказал, — объяснил толстый мальчик в сером пальто. — Это в древности сказал Архимед.

Адамчик прыгнул в сторону, глядя на розовые щёки. Чёрные глаза мальчика виновато мигнули.

— А что это? — спросил Адамчик.

— Это — очень интересная теорема, и я пытаюсь её решить, — объяснил мальчик.

— Получается? — спросил Адамчик.

— Пока нет. Хочешь мне помочь? Из точки А к центру окружности проведена прямая...

Мальчик нагнулся со скамейки и показал разкой палочкой радиус на чертеже.

— Стальная трость, — сказал Адамчик.

Мальчик поднял глаза и виновато улыбнулся.

— Прости, ты что-то сказал?

— Где тросточку достал? — спросил Адамчик.

— А-а, я вырезал её сам. Тебе нравится?

— Да, — сказал Адамчик. — А у меня есть пистолет. Вот...

Мальчик подержал пистолет в руках.

— Воздушный, — сказал он. — На десять метров бьёт точно в цель.

— У тебя есть? — спросил Адамчик.

— Нет, — виновато признался мальчик.

— Купи, — неожиданно предложил Адамчик.

— Видишь ли, — сказал мальчик, — у меня нет денег, я ведь ещё не работаю, и потом, я не знаю, что с ним делать.

— Стёкла бить, — подождал Адамчик.

— А зачем стёкла бить? — смущаясь спросил мальчик. —
Ведь сделать стекло трудно, — я был на экскурсии на заводе.
И ещё, когда я нечаянно разбил форточку, в комнате было очень
холодно... А ты уже работаешь?

— Давно, — сказал Адамчик. — Продай тросточку.

— Возьми, пожалуйста, — сказал мальчик. — Я сделаю себе
другую.

— За так? — спросил Адамчик.

— Я тебе дарю, в честь знакомства, — сказал мальчик. —
И, прости пожалуйста, я очень тебя прошу: не бей, пожалуйста,
стёкла. А теперь до свидания. Я дежурю по кухне. Надо
разогреть ужин.

— Сам стряпаешь? — крикнул вдогонку Адамчик.

Мальчик остановился и объяснил: " Мы стряпаем по очереди:
неделю папа, потом мама, потом я. До свидания". Мальчик
улыбнулся и махнул рукой.

— Ничего не понимаю... — сказал Адамчик, размахивая
резной тростью.

— Эй, стой!

От калитки бежал Генка. Он зашхался. Уши тайно и
дрожа.

— Слушай, — сказал он, — продай пистолет. Ведьму нашу
на работе хочу напугать.

— А зачем? — спросил Адамчик.

— Ну ведьма, — объяснил Генка. — Надо её напугать.

Стильная тросточка... Продай?

— На пистолет, — сказал Адамчик, размахивая тросточкой.

— За сколько — спросил Генка.

— Ни за сколько, — объяснил Адамчик. — За так. В знак...
знакомства. А теперь до свидания. Стёкла только не бей...
без меня.

— Стой! — крикнул Генка. — Купи портсигар!

Адамчик надвинул Генке на лоб иностранную кепку:

— Эх, ты, уши...

7.

После восьми вечера по улице Дзержинского ходят девочки. Прозрачными стайками перелетают с тротуара на тротуар и весело шипят. Адамчик притаился в проезде у фабрики.

Девочки вылетали на свет, останавливались, шептались, осторожно поглядывали в темноту, делали глазки — кокетничали сами с собой.

Адамчик думал, что с ним, и поправляя шарф. Потом догадался, что стоит в тени, вышел под фонарь. Девочки перестали останавливаться. Они проносились мимо молча, и только потом немного смеялись, а иногда и оглядывались.

Адамчик поправлял шарф. Девочки убегали.

Наконец, две девочки остановились рядом с ним и стали по очереди завязывать шнурки. Одна загоразивала от прохожих другую. Одна была беленькая, другая — рыженькая. У одной была синяя вязанная шапочка, у другой — красная.

Адамчик помахал рукой. Девочки хихикнули.

Когда он поравнялся с ними, девочки подняли головы и внимательно посмотрели ему в глаза. Он остановился, а девочки медленно прошли вперёд, так медленно, что Адамчик двинулся следом.

Девочки шли быстрее: Адамчик разгонялся. В глазах мелькали шапочки. Девочки останавливались в тени, и Адамчик проскакивал вперёд. Девочки смеялись и догоняли его. Шли сзади. Ему казалось, что они дышат и шепчутся над ухом. Оглядывался. Девочек не было. Впереди раздавался смех. У него кружилась голова. Он хотел догнать шапочки и стукнуть. В ушах рассыпался смех.

Сворачивая во двор, девочки помахали Адамчику. Он долго ещё стоял во дворе, но смеха больше не слышал.

Тогда он вышел и стал читать газету. В глаза прыгали жирные чёрные слова: " тунеядцев-паразитов", " арестованы".

На улице стало очень плохо, но Адамчик не знал, куда пойти. Хотелось кого-нибудь стукнуть — просто так, ни за что.

— Газетку читаешь?

Адамчик оглянулся. Лучший обойщик Юрка, взрослый и красивый, приятно улыбался.

— Плохое настроение, малыш ?

Адамчик кивнул.

— А у меня хорошее, — похвастался Юрка. — У меня всегда хорошее, правда? Пойдём к Яне, поставлю стаканчик!

— Да не хочу ! — сказал Адамчик, но Юрка взял его под руку и повёл.

— Ты не читай газеты, — говорил по дороге Юрка. — Я так совсем не читаю, чтобы настроения не портить. Вечно кого-то ругают. Читаешь — будто сам виноват.

— Новенький, — сказал Яна, наливая в стакан портвейн. — Первый раз вижу.

— Это наш, — объяснил Юрка, — Адамчик.

— Ну, что ж, доброго пути! — сказал Яна, подвигая стакан. Будем встречаться лет двадцать, если не случится войны.

Адамчик выпел портвейн и помогнулся.

— Не нравится ? — спросил Юрка.

— Не люблю... — признался Адамчик.

— А я люблю, — сказал Юрка, поглаживая горло. — Ито у тебя такая кислая морда?

— Не знаю... — сказал Адамчик.

— Наверное от природы. Все люди от природы или весёлые как я, или кислые. Хоть на улице посмотри. Одни идут улыбаются, другие идут чуть не режут.

Юрка заказал ещё стакан и выпил, глядя на Адамчика.

— Везёт мне, малыш, — весело сказал он. — Уж так везёт, только не умею пользоваться. В тот месяц двенадцать матрацев поднял, по три часа работы. Посчитай, сколько если по восемьдесят.

— Девятьсот шестьдесят! сообщил Адамчик.

— Вот именно! И работы такой — сколько хочешь!

— Халтура... — мрачно сказал Адамчик.

— Ну, я не брезгую. И девки меня любят. На той неделе пять адресов записал, сейчас к одной пойду.

— Беленькая? — спросил Адамчик.

— Наоборот, чёрненькая, а ты беленьких любишь?

— Не знаю, — сказал Адамчик. — Никаких...

— Так и знал, что кислятина, — сказал Юрка. — Ну, ладно, пока молодой, дело поправимое. Давай руку.

Он обхватил запястье Адамчика пальцами, нащупал кульс и объяснил:

— У меня импульсы. Сам Кунн сказал. Я ему матрац поднимал. Вот сейчас скажу, что ты думаешь... Так, погоди, что-то не улавливаю...

— А я не думаю, — сказал Адамчик.

— Так ты давай думай, а то не получится! — Юрка крепче сжал Адамчику запястье и наклонился, будто прислушиваясь.

— Не получается, — вяло сказал Адамчик, — Ты другое обещал.

— А, развеселить! Ну, давай. Смотри мне в глаза!

Адамчик смотрел на хитрые Юркины глаза, на лоб с залысинами, на сочные губы. Захотелось стукнуть, как на улице

— Ну чувствуешь что-нибудь? — спросил Юрка. — Да смотри мне в глаза! Улыбайся! Ну, чувствуешь?

— Ничего не чувствую, сказал Адамчик, — Пусти.

Адамчик молчал. Кричала с дальнего конца конвейера тётя Вера, но он всё равно молчал. Пружины качались, нёмо разе-
гали рты. Низенькие, высокие, кривые, прямые пружины уползали
в красных войлочных сигнальной лампы. и Адамчик набрасывался
на следующие.

— Осадка! Ромка! С ума спятил! — надиривалась тётя Вера.

В перерыве она подбежала к Адамчику, хрипела, махала
руками, молча грозила. Наливалась краснотой — вот— вот
лопнет. Адамчик зло шурлся.

— К начальнику пойдешь! — выдавила тётя Вера и убежала,
возмущённо треся головой.

— Что ж ты, парень молодой, сильный, и так не творчески
работает? — сказал начальник пеха.

Адамчик смотрел на кошку. Кошка нюхала арифмометр.

— Не понимаю тебя, — говорил начальник пеха. — То стара-
ешься, а то из рук вон. Что с тобой происходит, скажи на
милость?

Кошка терлась боком об арифмометр.

Адамчик засмеялся и сказал:

— Не знаю.

— А кто же за тебя знать будет? — спросил начальник.

— Что же ты смеёшься? Я с тобой как со взрослым разговариваю.

— Ничего, — сказал Адамчик. — Кошка ...

— Ну, что мне с тобой делать? — спросил начальник.

— Ничего, — подсажал Адамчик, глядя, как кошка тро-
гает лапой карандаш на столе.

— Ничего — ничего, — сказал начальник. — Вот переведу в
подсобники, так по-другому заговоришь.

— Не переведёте, — успокоил его Адамчик. — На конвейере
стоять некому.

— Погоди-погоди, и до тебя доберусь, — угрюмо сказал начальник.

— Погожу, — согласился Адамчик.

Кошка на столе нюхала чернила и морщилась.

Адамчик фыркнул.

— Ступай, дурохвост...

Тётя Вера шутя, но сильно стукнула Адамчика по затылку.

Ему стало совсем весело.

— Тётка Верка, зуб высью! — пообещал Адамчик и засмеялся.

Жить снова стало смешно.

— Да постой ты, постой, дурень!

Адамчик остановился. Сунул руку в карманы пальто, качался на каблучках, строил рожи, пока тётя Вера не подошла.

— Слушай, Ромка, я с тобой по-человечески, как мать...

Пойми ты бога ради: каждый день мастера посылаем матрасы переделывать. Покупатели ругаются, а у меня сердце болит. Людям же на них спать! Да ты пойдёшь посмотреть в магазин — плачут, а берут.

— Пойду, посмотрю! — сказал Адамчик. — Тётка Верка-привет!

В магазине перед полосатыми прямоугольниками прыгали люди, мехая руками.

Адамчик смотрел сквозь стекло витрины, улыбался. Люди трогали матрасы, качали головами.

— Всё равно купишь, — ехидно думал Адамчик, глядя, как человек стоит у матраса и чешет в затылке.

— Ой, какой хорошенький мальчик!

Адамчик поднял голову.

Молодая тётя с клетчатой сумкой смотрела на него, забавно улыбаясь.

— Почему ты такой хорошенький? — спросила она.

— Не знаю, — сказал Адамчик, улыбаясь, и подумал:

"Не тётя, но и не девочка".

— А я знаю, — сказала она. У тебя хорошее настроение. Ты стоишь и не знаешь, что тебе делать, правильно?

— Правильно, — согласился Адамчик. — А ты чего тут делаешь?

— Ой! Какой смелый! Сразу на "ты". А если я старушка? А если я замужем?

— Не старушка... — сказал Адамчик, краснея.

— Не стесняйся, — сказала она. — На "ты" так на "ты". Я веселая. Конфетку хочешь?

Она вынула из сумки горсть конфет в блестящих разноцветных бумажках, высыпала их Адамчику в карман.

Адамчик уставился на белые остроносые туфли и не знал, что делать дальше. Она жевала конфету и давилась от смеха.

— Ну, что теперь будем делать? Я ведь не просто так сюда пришла.

— А зачем — спросил Адамчик.

— Вон за той полосатой штукой! — она махнула рукой в сторону витрины.

— За матрасом, — понял Адамчик.

— Вот именно, — сказала она, любясь его шарфиком.

— Вы артистка? — спросил Адамчик, глядя на легкую шубку.

— Вот и не угадал, — сказала она. — Артистка такое страшное лицо покупать не станет. У неё больше вкуса и больше денег.

— А кто вы? — спросил Адамчик.

— Я философ, — сказала она. — Только ты не пугайся. Я веселый философ. Ну пошли.

Она долго ходила в задумчивости у матрасов, потом тронула Адамчика рукой в перчатке за рукав: "Как тебе нравится вот этот бегемот? У него хоть полоски зелёные, а?"

Адамчик потрогал матрац и сказал: "Нет, это брак".

— Ты уверен? — спросила она, поглаживая Адамчика по рукаву.

— А вот этот?

Адамчик потрогал и пощипал

Адамчик потрогал и поморщился.

Она вопросительно вскинула брови и, увидев, как Адамчик морщится, тоже поморщилась.

Они ходили от матраца к матрацу, смешно морщились и смешно смеялись, понимая друг друга.

— А ты я вижу, специалист!—сказала она.

— По браку, — ответил Адамчик.

— Ой, он остроумный! — она поправила Адамчику шарф.— Ну вот этот, наконец?

— Можно, — сказал Адамчик, потрогав туго натянутое полотно.

— Страшный какой крокодил... — сказала она, кусая губы.

— Зато крепкий, — уверил Адамчик.

— На нём можно с ногами?

— Можно.

— И думать на нём можно?

— Можно, — сказал Адамчик.

— В самом деле остроумный! — рассмеялась она. — Теперь разделим обязанности: я плячу, а ты несёшь. Согласен? Тут два шага.

— Согласен.

Адамчик подхватил матрац и взвалил его на спину, как грузчик на фабрике.

— Идём, — скомандовала она. — Туда, туда, потом сюда, а потом туда. Донесёшь?

— Донесу, — сказал Адамчик.

Она шла быстро, резко махая клетчатой сумкой, Адамчик едва поспевал.

— Тяжело — спрашивала она.— Отдохни. У, какой некрасивый! У меня даже настроение испортилось. Натянут криво, гвозди торчат. И кто только их делает? Наверное, странно злые и ленивые люди, а?

Ты не устал? Сейчас придём. Сюда во двор.

— А теперь самое трудное,— говорила она, придерживая дверь.

— Теперь на пятый этаж. Философы теперь живут на чердаках. Донесешь?

— Донесу, — сказал Адамчик хриплым голосом.

— Представь себе, — что ты — Иисус Христос, — говорила она, поднимаясь впереди. — Ты несёшь свой крест. А вокруг тебя римляне, иудеи. И ты... не устал?... И ты несёшь его на Голгофу (это гора), а они тебя бьют, смеются над тобой, издеваются. А потом... а потом они распнут тебя... на кресте, то есть на этом крокодиле, распнут меня на этом полосатом... Ой, я болтаю. Хочешь отдохни? Нет? Ну, тогда неси... Неси свой крест, мой хорошенький мальчик с улицы... в красном шарфике...

— Красивая... — подумал Адамчик, глядя, как под шубкой плавно переливаются высокие бедра. — Надо адрес записать.

— Стоп, — скомандовала она. — Поставь к стене. Устал, бедненький... Она сняла перчатку и погладила Адамчика по лицу. Достала из сумки сладко пахнувший платочек, вытерла ему лоб. Потом позвенела ключами и распахнула дверь. Адамчик заглянул в тёмный коридор.

— Ой, нет, сюда не надо,— торопливо сказала она. — У нас тут страшно. И где-то должна быть своя рабочая сила,

— Сила, эй! крикнула она в коридор. — Приехал матрас!

Вдали хлопнула дверь.

Ой, — сказала она и застучала каблуками в темноту.

Адамчик слушал, как она остановилась и какой-то невнятный шёпот, шелест.

На площадку вышел сильный парень с гладкой короткой причёско

взглянул вопросительно на Адамчика, неумело подхватил матрас за край и поволол его в темноту.

Дверь захлопнулась.

—Ромка, в лыжную секцию хочешь? Будешь в нашей играть? Пойдешь с нами в театр музыкальной?

Почти каждый день подходит к нему обойщица Валя, всегда с блокнотом и карандашом в руке. Спрашивает официально. Она теперь комсорг пеха.

— Ну, а пойду, так что? — спрашивает Адамчик.

— Ничего, тогда запишу, — говорит Валя, размахивая блокнотом. — Ну, чего ты ко мне пристала? — кричит Адамчик, пытаюсь ушмыгнуть Валу. — Запиши меня целоваться!

— Да не умеешь, мокрохвостый! — сердито отвечает Валя и убегает, размахивая блокнотом.

— Ухаживает она за тобой — смеется бригадир Клава. — Смотри, Ромка, женит на себе.

— А пусть! — говорит Адамчик. — Я согласен.

— Да она грамотная, — смеется Клава, — в школу ходит. Она на тебя неуча и не посмотрит.

— Посмотрит, — говорит Адамчик, — вот увидишь!

И ходит провожать Валу от проходной до общежития — три минуты шагом, одна бегом.

— Хочешь Валь, в школу запишусь?

— Мне-то что — записывайся. Сам умнее будешь.

— А хочешь, попелую?

— Иди, козявка!

— Валя, а что ты в школе проходишь? А скажи что-нибудь умное?

— Знаешь, как эта улица раньше называлась?

- Нет ...

- Гороховая...

- Ага...

- Ромка, получишь по рукам. А какой литературный герой здесь жил?

- Скажи.

- Здесь жил Обломов.

- А что он делал? Он у нас работал?

- Ой, Ромочка... Он был барин, а фабрики тогда ещё не было.

- Барин... А что он делал?

- Ничего. На матрасе лежал.

- Он думал?

- Нет, кажется, не думал. Просто лежал.

- Валь, а хочешь, я тебе мысль скажу? Знаешь, для чего у человека ногти?

- Нет...

- Для молотка, чтобы бить. И чтобы не больно.

- Ромочка, как же не больно, когда больно?

- Хитрая, а если бы ногтей не было? Тогда еще больнее...

- Ой Ромочка, голова садовая... Умница ты моя...

И Валя гладит Адамчика по голове, - совсем не так, как он хочет, обидно.

- Ну, как - спрашивает на конвейере Клава. - Присох?

- Отстань! - кричит Адамчик. - Стукну!

- Ромочка, мы идём добровольно сдавать кровь! Тебя записать?

- Записывай! - сказал Адамчик.

В институте переливания крови белые стены пугали. Пугала тишина.

-

— Ой, Ромочка, боюсь! — шептала Валя.

— Ничего, не бойся, — успокаивал Адамчик. — Видишь, написано: безвредно для организма.

Женщина-врач выслушала Адамчика и измерила давление.

— Молодец! — сказала она. — Только почему ты такой худой! Мама не кормит?

— Кормит... — сказал Адамчик. — А худому нельзя?

— Отчего же нельзя — можно, — сказал врач. — Вот давление у тебя низковато для возраста. Бегаешь много, мало спишь?

— Мало, — признался Адамчик.

— Почему? — спросил врач.

— А я думаю, — сказал Адамчик. — Мысли по ночам появляются

— Появляются... — Врач улыбнулась. — Ночью надо спать, а не думать. От этого кровь портится... Может быть, не будем сегодня, в следующий раз, а?

— Давайте сегодня, — сказал Адамчик. — Я хочу.

— Кто первый? — спросила сестра с марлевой повязкой на лице. Девушки смущенно зашептались. Адамчик увидел, как ему подмигнула Валя и шагнул вперед.

Он лёг на жесткую кушетку, просунул руку в круглое окошко.

Скосив глаза, увидел, как сестра схватила руку жгутом. Адамчику стало не по себе от прикосновения жгута. Он увидел холодные внимательные глаза сестры за рукой, шевельнулся.

— А где тот человек, которому кровь?

— Спокойно! — сказала сестра. — Сжимай руку, разжимай... Вот так. Человека нет.

Стеклянная колба медленно наполнялась красным. Кровь поднималась от деления к делению, и колба постепенно становилась сизой.

— Как комар, — подумал Адамчик и засмеялся.

Он вышел, держа на виду забинтованную руку.

— Страшно? — спросила Валя.

— Нисколечко, — сказал Адамчик. — Как комар укусит! Не бойся. Только кровь не человеку, а в бутылку.

Внутри было легко. Немного кружилась голова.

Потом всем выдали талоны на обед. Адамчик шёл впереди, подпрыгивая.

— А кому эта кровь? — спросил он Валью.

— Кто заболел, — объяснила Валя.

— А кто заболел?

— Ну, любой человек.

— Совсем любой?

— Твоя кровь всем подходит, — сказала Валя. — Брачиха говорила.

— Любому человеку?

— Отстань, Ромка, любому.

— И тебе?

— И мне.

— Здорово, — сказал Адамчик.

За столом он отложил ложку, откинулся на стуле, закрыл глаза.

— Ты что? — спросила Валя.

— Мутит. Спать хочу!

— Ромочка, ты поешь, пройдет, — говорили девушки. —
Смотри, суп какой вкусный.

— Не хочу, сказал Адамчик, — спать хочу.

Валя перегнулась через столик, приложила ко лбу жёсткие прохладные пальцы.

— Ой, девочки, у него температура!

Прохладные пальцы скользнули по лицу. Адамчик открыл глаза.

— Ничего, порядок.

- Друг! - поёт Адамчик у конвейера.- Дру-у-у-уг!

Какие у него тёплые руки. А сильный какой! Две недели назад поступил в цех, а уж выполняет норму. Правда Адамчик помогал ему, бегал от конвейера к ученическому верстаку, утешал и там и у себя. Чего не сделать для друга.

- Друг! Эх, дру-у-у-у-уг!

Начальник хитрый - нарочно ставит их в разные смены, и они работают за компанию по две смены и выполняют норму на двести пятьдесят процентов, и у них куча денег, и можно все триста, если не разговаривать. Но как же не разговаривать. Ведь они расстаются каждый день на целую ночь! А сколько надо рассказывать!

- Слушай, друг, меня один кирюха обжулил, когда я мотоцикл покупал!

- А у меня есть мотороллер.

- Друг, видишь, Юрка пошёл? У него импульсы!

- А у меня папа офицер. Полковник.

- С погонами?

- В отставке....

- А мы с одним корешом были отёкля из пистолета.

- А я - из духового ружья. Потом бросил - жалко.

- И я бросил. А тётка Верка хорошая, когда не кричит!

- А начальник?

- Начальник тоже ничего мужик! Даёт заработать.

- Ты читал "Бумеранг не возвращается". Прочти, мировая книжка.

- Я тут с одной познакомился - мировая девочка!

- Замужем? Тогда плохо. У меня девочка - во!

- Познакомишь?

- Спрашиваешь! Между прочим, у неё подруга. Тоже ничего.

— А у меня кровь любому человеку подходит! И тебе. Вот если бы ты разбился, тебе бы мою кровь перелили. У нас бы и кровь была общая. Здорово?

— Спрашиваешь!....

— Друг, друг эй, дру-у-у-уг!

Друг ждёт на морозе в проходной.

Друг катает на мотороллере. Даёт порулить.

Друг стоит рядом и заглядывает в лицо, и улыбается, у него такие сильные тёплые руки.

И вот эта "молния", что висит над верстаком. Она про кого? Про него и про друга. Это они выполняют норму на двести пятьдесят пропентов и могут на все триста, если не разговаривать. Но как же не разговаривать?

— Друг, а странно, что я тебя раньше не знал! А здорово, что мы тут вместе оказались? Правда?

— Спрашиваешь....

У друга разряд по самбо.

Друг в воскресенье устраивает свой день рождения. Родители в Сочи. Квартира свободна, если не считать соседку. Злая старуха!

"... Мария, Мария, Мария..."

Качается перед глазами узкий чёрный носок ботинка. Это ботинок друга. А у друга перед глазами качается ботинок Адамчика, такой же чёрный и узкий — вместе покупали английские ботинки.

Адамчик в кресле и друг в кресле. У обоих — сигареты между средним и безымянным пальцами. Дым бежит к высокому потолку.

" Мария, Мария, Мария..."

— Друг, что же они не идут?

Девочек ждут, девочек... Подождём, дождёмся. У, сопляки...

- Они какие?

- Моя беленькая. Похожа на колдунью... Видал?

- Спрашиваешь!

- Я её знаю, как люблю?

- Как?

✓ Уже три месяца...

... Мария, Мария, Мария-а-а-а...

Любит... Ха-ха-ха-ха. Но- убит...

- Как ты с ней познакомился?

- На пляже. Она грущу ела.

- А ты?

- А я подошёл.

- И всё?

- И всё.

- И всё?

- И всё.

- Здорово... А вторая какая?

- Рыженькая. А кожа белая. Красивая - вот увидишь.

- Друг...

- Что тебе?

- Давай для храбрости выпьем?

- Давай ...

" Мама йо каро, мама йо каро...".

Старуха, неслышно ступая мягкими туфлями, подходит к двери. Нагибается, смотрит. Из щели музыка, тихо.

-... Мария, Мария, Мария ...

Сидят в креслах, развалились, господа какие... Ногами качают. Ишь ботинки узкие... Курят. Курят!

-... Мария, Мария, Мария...

- Друг, чего они не идут?

- Сейчас придут...

Девочек ждут, девочек... Подождём, дождёмся. У сопляков...

- Они какие?

- Моя беленькая. Похожа на колдунью... Видал?

- Спрашиваешь!

- Я её знаешь, как люблю?

- Как?

- Уже три месяца...

... Мария, Мария, Мария-а-а-а ...

Любит... Ха-ха-ха-ха. Лю-бит...

- Как ты с ней познакомился?

- На пляже. Она грушу ела.

- А ты?

- А я подошёл.

- И всё?

- И всё.

- Здорово... А вторая?

- Рыженькая. А кожа белая. Красивая - вот увидишь.

... Мама- ой- керо, Мама- йо- керо...

- Они!

- Нет старуха...

Валерик ! Валерик!

... Мама-йо-керо-мам ма-ма-ма...

- Ну, что вам?

Выключи радио, у меня голова болит...О, вином пахнет...

- Ну и что? У меня день рождения!

- Смотри, отцу расскажу...

- Ну, и говори!

Звонок.

- Друг, они!

- Причёмся!

- У тебя пепел на пиджаке...

— Порядок?

— Порядок. Друг, у меня руки потеют...

Старуха стоит у двери. У старухи злые глаза. Как она
осмотрит... как улыбается... как не хочет уходить.

— Здравствуйте...

— Здравствуйте...

— Знакомьтесь. Валя, Светка, Роман.

Рыженькая красивая. Ещё красивей, чем Светка. Кожа
белая— белая. Краснеет. Вся краснеет. Глаза голубые.

Одна шапочка синяя, другая белая. Белый пух. Боязно
дотронуться.

— А мы где-то встречались...

— Правда? Хи-и...

Замолчали. Смотрит старуха. Злыми глазами смотрит
старуха с гнилыми зубами. Улыбается.

Опустив головы, тихо-тихо мимо двери, на пыпочках. Как
они покраснели. Друг уверенно кашляет. Старуха закрывает
дверь.

Музыка теперь погромче.

... Кирина консустрес...

— Выпьём?

— Ой, много... Мама узнает. Я у Вали братишка. А я еще
анатомию не учила.

— Рома, Ро-ма... Расскажи что-нибудь.

— А что?

— Что-нибудь... Какие у тебя брови красивые. Густые...
у меня был один знакомый мальчик... Нет, теперь нет ...

... Кирина, кири-на консустрас...

— А я не умею танцевать... Друг немного учил.

У глаз плывут рыжие волосы. Не то, что рыжие— соломенные
Не соломенные — золотые.

— А у тебя волосы как... золотые.

- Да... Какие у тебя мягкие губы...

- Щекотно...

- Пусть щекотно, да?

- Да...

- Хочешь яблоко? Откуси...

- А теперь я ...

Прохладные пальчики. Скользят, скользят...

- У тебя лоб... тёплый.

- Хорошо...

- Ой! Что там? Кто это там? Там?

Стук за дверью. Грохот. Топот. Дверь открывается сама.

Старуха. Старуха !!!

- Валерик, я так больше не могу!

- Уходи, ведьма! Не мешай жить! Уходи, ну!

- Валерик, так не разговаривают со ...

- Убирайся! Ромка, помоги!

- Не надо, Валерик !

- Ничего, пусть остынет в прихожей!

- Пусть остынет, пусть остынет! Ха-ха!

- Вот видите! Дерётся! Он дерётся! дерётся! Вот...дерётся
Глухо, из-за двери:

- Стпусти руку, отпусти руку, а-а-а...

Топот, толчки, будто по коридору тащат матрас.

Хлопнула дверь. Тихо.

Тихо-тихо...

- Валя, что там?

- Валерку увели. Старуха и ещё какие-то... С поясками.

Рома, ты куда?

- Куда ты, Рома?

- Не уходи, уже увели... А вы что тут делали? А, Свет?

А я знаю: вы целовались, целовались, да? Давайте, музыку поставим! Ох, я пьяная, пьяная ... Валерку увели. А мы

музыку поставим! Пока нет старухи!

... Мариа, Мариа, Мариа-а-а...

Рома, потанцуем? Ты куда, Рома? Куда, а?

- Пусти,- сказал Адамчик.- Ну, пусти...

Он спускался по лестнице, а музыка играла.

12

Горела одна лампочка. Вдоль прохода лежали подушки. Подушки стояли, подушки сидели. Их было много.

Адамчик шел по проходу, а подушки всё сидели, всё стояли, все лежали стопками, горками одна на другой, Адамчик пнул подушку и оглянулся. Сзади были подушки. И с боков. И впереди. Нарядные мягкие подушки для диванов. Для диванов- кроватей, для кнапе, для кушеток. Для кресел- кроватей, для тахты. Подушки выставляли в проход мягкие локти. Подушки толкались.

И где-то за подушками, за горами, за стопами- вжик-тук. Вжик-тук-тук. И ещё: тут-тук.

- Гриша,- подумал Адамчик, расталкивая подушки.

Подушки падали мягко одна за другой, показалась голова Гриши и ухмыльнулась. Улыбнулась. Показались руки Гриши и верстак. Рамки.

Вжик - проволока вдоль, вытянул, согнул, забил. Тук-тук. Вжик - проволоку поперёк - натянул, согнул. Тук. Вдоль-поперёк. Вдоль- поперёк. Решётка.

- Основа,- подумал Адамчик.- Ловко.

- Иувэ - сказал Гриша, улыбаясь. - Лн-лы-ик... Охо-ох-хо

- Всё работаешь? - спросил Адамчик.

- Ээмуак. Ига-аэ.

- Посидим, поговорим?

- Ээв- ант ...

- Закурим?

- Мын-ны.

- Много заработал?

- А-ав, ам-мавын.

- Хорошо тебе?

- Азына ныммын. Дьу-вын?

- Понял, друга забрали... А он ничего им. Он хороший.

А они его.

- Эбууу, - сказал Гриша и пошевелил ушами.

- Не веришь. Они тоже не верят. Там, понимаешь, старуха.

Старуха, понял? Страшила. Она кричала и лезла. И мешала. Понял?

- Навны - сказал Гриша, улыбаясь. Вставил проволоку:

Вжик- тук. И еще одну - вжик тук тук.

... - А он её толкнул. А она там привела каких-то. Этих, они ему руки закручивали, а он кусался. Понял?

- Нууны - сказал Гриша и сморщил лицо.

- А вот что теперь делать? Я всё думаю, думаю... Думаю, понял?

- Э-эээк - сказал Гриша.

Вжик - тук-тук.

- И всё думаю и думаю... Может на другую фабрику пойти? На другую, понял? Может там по-другому, а? Нет так?

- Э-эээв павэт мын яявет эины, - сказал Гриша. - Охм
вц-вц-вщю-у. Дыни. Амаанхы. Вафабибынбе. Вав-вынн. Вза-выни. -
И он постучал себе пальцем по груди, выгибаясь, улыбаясь,
радуясь.

- Ты, молодец, - понял Адамчик. - Ты, Гриша, парень хоть
куда. Счастливо оставаться.

- Инуну-хин, - сказал Гриша, выпячивая губы и похлопал
глазами.

- Нет, - сказал Адамчик, - работай. Я пойду.

Он поднял подушку и положил её на другие. Подушка закрыла верстак и раму. Вторая подушка закрыла толстопалые руки Гриши. Третья закрыла его грудь. Над подушками торчала лопоухая Голова Гриши. Она шевелила толстыми губами, дёргала ушами, сводила брови, и делала складки на лбу и на щеках. Губы мычали. Глаза хлопали.

Адамчик посмотрел на голову, поднял ещё одну подушку и закрыл Гришу.

— Вжик— тук.

х

х

х

На улице Дзержинского лежит туман. В тумане одет автобус. В автобусе качается от стены к стене большое сонное тело.

Тело дремлет. Его душа вытягивается, легонько шевелится под мокрым потолком. Невидимая, там переливается неясная грусть. Прозрачная нежность слабыми толчками бьётся в оконные стекла.

И доброе заспанное лицо, большое, общее хранит на себе следы ночной уверенности в том, что тело едино, что у него одна голова, один разум и одно сердце.

Адамчик уверенно расталкивает ватные бока, пробираясь к выходу.

Должно быть, он толкается слишком сильно, потому что кое-кто поднимает голову, смотрит яснеющими глазами.

Ещё не остановился автобус, а тела больше нет. Расколотое, гудящее, оно торопливо втягивает в себя нежность и грусть, жалость к собственной слабости.

Так, улитка поднимает свои беззащитные рожки.

Автобус останавливается. Распахивается дверь. На улицу выходят пассажиры, уже готовые к тому, чтобы стать пешеходами, прохожими, людьми разного возраста.

Адамчик прыгивает и бежит в тумане, пархаясь от встречных легко и бесшумно, как летучая мышь.